

Партнерша, танцевавшая с Лю Юем, была изящной и стройной, с вполне гармоничной фигурой, что на ее фоне лишь сильнее подчеркивало нелепость и комичность его движений. Чем смешнее он выглядел, тем громче свистели и аплодировали зрители.

Едва музыка стихла, Лю Юй вальяжно взмахнул рукой, сделав пару виляющих движений бедрами, чем отлично разогрел публику:

— Преподнесите мне цветы!

Зажигательное начало сделало свое дело — он действительно собрал больше десятка букетов.

Стоявший неподалеку Ли Хуайчэнь, глядя на это, невольно покрутил головой:

— У этого парня есть все качества успешного бизнесмена.

Ли Сичунь, стоявший рядом с ним, поинтересовался:

— Проницательность?

Ли Хуайчэнь повернул голову и возразил:

— Толстокожесть.

Некоторые люди бывают чересчур изворотливыми, из-за чего с ними опасно заводить близкую дружбу, но пользы от них немало. Взять хотя бы сегодняшнее мероприятие: если бы никто не разогрел толпу, атмосфера быстро опустилась бы до точки замерзания.

Вскоре под ободряющие возгласы на площадку выскочил упитанный парень, чтобы побороться за звание «короля танцев». Молодая кровь кипела, и юноша умудрился превратить строгое танго в безудержную клубную тусовку.

Сначала всё смотрелось терпимо, но постепенно танцы превратились в хаос: одни порхали, словно бабочки, другие бились, как ночные мотыльки, а кто-то и вовсе умудрился споткнуться о собственные ноги.

Гости держались раскованно и свободно лишь благодаря брошенной в самом начале фразе Ли Сянфу: «Я прикрою тылы».

На проекторе слева бесконечно крутилась видеозапись с Ли Сянфу, вращающимся словно волчок. Гости были свято уверены: на фоне этого безумного вращения, какими бы убогими ни казались их собственные па, никакого психологического шока они никому не причинят.

Одиночный этап длился около получаса, и больше всего цветов собрал Лю Юй. Под завистливыми взглядами окружающих он пригласил Бянь Шицинь, и та, проявив уважение, не стала ему отказывать.

Качественной ни была бы звукоизоляция дома, она не могла скрыть такого шума. Старик Ли сегодня не лег спать рано и решил присоединиться к веселью.

Чтобы не смущать молодежь, он держался особняком на самом краю площадки и то и дело подгонял Ли Хуайчэня тоже пойти потанцевать:

— Взгляни на Аньцин, она уже сменила нескольких собеседников.

Ли Аньцин проявлял дальновидность и, чтобы избежать наставлений отца, с самого начала отсел в сторону с кем-то из гостей.

Ли Хуайчэнь с ходу раскрыл секрет:

— Наверное, просто никто не способен выдержать с ним и трех фраз.

Искусство красноречия Ли Аньцина действительно не поддавалось описанию.

Только Старик Ли собрался проворчать пару ласковых в его адрес, как вдруг нахмурился и пробежал взглядом по сторонам, разыскивая младшего сына:

— А где твой младший брат?

Ли Хуайчэнь лишь пожал плечами, показывая, что не в курсе.

Старик Ли инстинктивно посмотрел на Цинь Цзиня, но Ли Сяньфу не было и рядом с ним. Возле Цинь Цзиня стоял лишь Ли Шаша.

Мальчик приподнимался на цыпочки с выражением страстного ожидания на лице.

Цинь Цзинь совершенно не поддался всеобщему веселью и с любопытством взглянул на Ли Шашу:

— Разволновался?

Несколько минут назад Ли Сяньфу сказал, что поднимется к себе переодеться — судя по всему, чтобы подготовиться к танцу. С того самого момента Ли Шаша нетипично потирал руки.

— Тебе не понять, — с благоговением произнес Ли Шаша.

Хотя сам он был абсолютно бездарен во всем, эстетический вкус у него был развит идеально.

Пока они разговаривали, Ли Сяньфу наконец появился снова. Он переоделся в летящий наряд, а длинные волосы собрал лентой — со стороны казалось, будто узел держится едва-едва, но на самом деле он был затянут очень крепко.

Цинь Цзинь сделал пару шагов навстречу. Поняв, что тот намеревается показать себя во всей красе, он с полуулыбкой спросил:

— Не боишься, что тебя забьют до смерти?

Если бы Ли Сичунь был здесь, он, пожалуй, сменил бы гнев на милость и признал в нем родственную душу — этот вопрос выразил его собственные мысли.

Ли Сяньфу был полон уверенности:

— В их головах будут лишь бесконечные фантазии.

К этому моменту гости уже изрядно устали, и в центре площадки почти никого не осталось. Стоило пылу угаснуть, как атмосфера танго испарилась.

Ли Сяньфу выждал нужный момент и вышел в центр. Ночной бриз слегка раздувал полы его одежды, придавая образу нечто поистине...тине неземное.

Лю Юй заметил его первым. Потирая полотенцем вспотевший лоб, он произнес с невольным смешком:

— Брат, это нечестно!

Этот наряд ничем не напоминал костюм для танго.

Уставшие гости тоже начали обворачиваться. Ли Сяньфу невозмутимо указал на проекцию:

— Я танцевал весь вечер, а теперь пора завершать программу демонстрацией талантов.

Стоило ему упомянуть об этом, как присутствующие вновь бросили взгляд на крутящийся на экране силуэт и согласились с ним. Если бы он действительно хотел подчеркнуть грацию своего танца на чужом фоне, то не стал бы бесконечно прокручивать заранее записанный гиперболизированный пасодобль.

К тому же все уже пресытились неумелым танго, и если кто-то вызвался показать нечто новое, этому были только рады.

Музыка сменилась: ритмичный мотив уступил место величественной классической мелодии.

Запыхавшиеся гости разбирали напитки с подносов, собираясь поболтать и одновременно посмотреть выступление.

Ли Шаша не стал брать напиток. Вспомнив о двух тысячах юаней карманных расходов, он вытащил пачку салфеток и протянул одну Цинь Цзиню:

— Ты еще молод, мало что видел, у тебя легко может пойти кровь из носа.

Цинь Цзинь: «...»

От Ли Шаши регулярно приходилось слышать странные вещи, но, учитывая его нечеловеческую природу, даже в самых утрированных его словах имелась доля истины.

— Всё настолько серьезно?

Ли Шаша кивнул:

— В сто раз сильнее моего пения.

Цинь Цзинь, чьи уши уже пострадали от его «вокала», разумеется, не ждал ничего хорошего.

Ли Шаша глубоко вздохнул:

— Знаешь, что такое дьявольская поступь?

«...»

Не ставя больше никаких условий, Ли Шаша кратко произнес:

— Начинается.

И Цинь Цзинь впервые за этот вечер действительно внимательно посмотрел на танцующего.

Вскинув взгляд, он на мгновение ощутил, как перед глазами всё размылось. Белые одежды,

длинные волосы — танец Ли Сяньфу сочетал в себе мягкость и силу. Каждое движение его тела напоминало момент, когда росток пробивается сквозь землю: хрупкий и одновременно наполненный невероятной мощью.

О такой невероятной красоте можно было либо выразиться крепким словом, либо лишиться дара речи.

Однако у красоты есть свои границы, и она не должна повергать абсолютно каждого в шоковое состояние.

Но Ли Сяньфу это удалось. Практически каждый из присутствующих потерял контроль над собой. Человек, еще минуту назад пивший воду, теперь замер с выражением дикого восторга на лице, стискивая бутылку так, будто готов был диким зверем броситься вперед.

Сбросив краткое оцепенение, Цинь Цзинь быстро пришел в себя. Он растолкал стоящего рядом замороженного Ли Шашу и строго спросил:

— Что здесь происходит?

Ли Шаша, не заботясь о том, поймет ли тот его, небрежно ответил:

— У папы есть титул «Бесконечный занавес».

Как и в случае с эффектом «Свет Будды», любой навык, доведенный до идеала, обретает дополнительные свойства. «Свет Будды» дарует умиротворение, а «Бесконечный занавес» — прямо противоположное: он заставляет погружаться в неистовство собственных фантазий.

Ли Сяньфу в танце служил лишь искрой — зрители сами проецировали на него свои самые тайные мечты. У молодежи и вовсе возникала иллюзия, будто далёкая недостижимая луна вдруг оказалась совсем рядом, превратившись в их возлюбленного.

Разумеется, эта способность не была всемогущей. Человек, полный злобы, от звуков священных песнопений лишь сильнее придет в ярость, а люди с непреклонной волей или без особых иллюзий способны своевременно вырваться из чар «Бесконечного занавеса».

К несчастью, как знатные особы в Стране Матриархата, так и нынешние гости пришли сюда с единственной целью — насладиться эстетикой танца, а потому их внимание было полностью поглощено зрелищем.

Наблюдая за тем, как мужчины и женщины вокруг погружаются в фанатичный восторг, Цинь Цзинь нахмурился, осознав, что дело принимает дурной оборот.

С каменным лицом он закрыл ладонью глаза Ли Шаши, который как раз вытирал кровь из носа:

— Тебе в твоём возрасте на такое смотреть рановато.

Ли Шаша лишь хмыкнул. Звучит благородно, но на самом деле Цинь Цзинь просто сорвал злость из-за того, что его не предупредили о внезапно выросшем армее соперников.

Понимая, что проглядел опасность и нужно срочно исправлять ситуацию, Цинь Цзинь тяжело вздохнул. Оглядевшись, он подошел к Старика Ли:

— Уже поздно, мы можем помешать соседям. К тому же Шаше пора спать. Не пора ли

заканчивать мероприятие?

Однако ответа не последовало.

Вглядевшись внимательнее, Цинь Цзинь понял, что тот его даже не слушает. Старик Ли, разумеется, не видела в Ли Сяньфу прекрасный образ из мечтаний, но кровь в его жилах вовсю бурлила — прямо как у юнца на тусовке в клубе. Он высоко вскинул руки, подбадривая танцора:

— Сын мой, зажигай!

«...»

Свет луны переплетался с огнями гирлянд, и помимо силуэтов людей в саду, на стене появилась тень кота.

Старый кот наконец приоткрыл свои обычно прищуренные задумчивые глаза. Он встал на задние лапы, его усы подрагивали в такт музыке, а в зрачках отражался танцующий силуэт.

У Цинь Цзиня нервно дернулось веко. Прекрасно. Судя по взгляду... Хунчэнь явно смотрел на Ли Сяньфу как на кошку своей мечты.

Пора кастрировать!

Слова автора:

Ли Сяньфу: И сутры прочтет, и танго станцует, и в обществе блистает, и на кухне мастер.

Цинь Цзинь: ...Похоже, я тебя недостоин.

Говорят, коты состоят из воды. Неизвестно, насколько это правда, но у вытянувшегося во весь рост Хунчэня на спине не было ни единого изгиба — он напоминал плоскую табуретку.

До чего же жирный кот.

И до чего же дерзкий.

<http://bllate.org/book/18300/1757521>